

ГОЛОСА БЫЛОГО

РОДИНА

Я возвращуся к вам, поля
моих отцов,
Дубравы мирные, священный
сердцу кров!
Я возвращуся к вам, домашние
иконы!
Пускай другие чтут приличия
законы;
Пускай другие чтут ревнивый
суд невежд;
Свободный наконец от
суетных надежд,
От беспокойных снов, от
ветреных желаний,
Испив безвременно всю чашу
испытаний,
Не призрак счастья, но
счастье нужно мне,
Усталый труженик, спешу к
родной стране
Заснуть желанным сном под
кровлею родимой.
О дом отеческий! о край,
всегда любимый!

Е. БАРАТЫНСКИЙ
1821

Отрада. Вид на усадьбную церковь.
Совр. фото

Отрада

С. Кондаков

Среди раскинувшихся вокруг Москвы дворцов прежних вельмож, нередко представляющих настоящие музеи по обилию, богатству и разнообразию находящихся в них художественной старины, одним из характерных памятников Екатерининской эпохи является подмосковное имение «Отрада».

Основателем «Отрады» был граф Владимир Григорьевич Орлов, один из пяти братьев Орловых, из которых Алексей был героем Чесмы, а Григорий был близок к Екатерине II. Получив заграничное образование в Лейпцигском университете, граф Владимир Григорьевич более тяготел к науке и тихой сельской жизни, чем к блестящей столичной, полной придворной суеты, жизни своих братьев.

Пребывание в Лейпциге навсегда оставило в нем особое уважение к науке и ученым, за что императрица прозвала его философом. По возвращении из заграницы, в 1766 г., 24-летний граф Владимир был назначен директором в помощь президенту Академии наук графу Разумовскому, причем весь труд по академическому управлению выпал на его долю.

По выходе в отставку граф Владимир удалился в свое подмосковное, занялся сельским хозяйством и постройкой отрадненского дома.

Большой дом-дворец с различными службами, оранжереями, английским парком и другими затеями барских усадеб XVIII века строился не торопясь, крепко, солидно.

Вместе с домом он воздвиг в имении церковь во имя св. Владимира.

Отрадненский дом, поставленный внизу холма, на котором белеет церковь, до сих пор сохранил свой первоначальный характер, хотя в сто с лишним лет своего существования подвергался некоторым перестройкам.

Выложенный из розового кирпича, с белыми, четко вырисовывающимися колоннами, оконными наличниками и родовым гербом на фронтоне, главный корпус, не отличаясь особой изысканностью архитектуры, в то же время весьма типичен для построек XVIII века. Во всем чувствуется, что его строил для себя хозяин-домовод, приспособляя каждую мелочь к своим вкусам и привычкам.

Имя автора планов осталось неизвестным, но исполнителем, по всей вероятности, был крепостной Бабакин, упоминаемый в одном графском приказе, относящемся к 1796 году. Вчитываясь в материалы по строительству дворца, видишь — он дело рук крепостных.

Относительно обширные размеры жилых комнат по сравнению с приемными и парадными свидетельствуют, что главное внимание обращалось на комфортабельное жительство большой семьи, а не на внешний блеск и приемы.

Широкая, крытая мягким красным ковром лестница, вся уставленная цветами, ведет в первый этаж, расположенный над кухней и другими служебными помещениями. Длинный, прямой коридор делит его на две половины; слева и

справа ряды комнат; из них несколько отведены под обширную библиотеку.

На фоне темно-синих сводчатых стен — в массивных дубовых шкафах, за медной решеткой, стоят тысячи книг в красивых кожаных, богато позолоченных переплетах конца XVIII — начала XX века.

Сочинения по истории, метафизике, естествознанию чередуются с энциклопедией, томиками Вольтера и Руссо. Много книг по старообрядческой литературе; полные собрания греческих и латинских авторов и большая коллекция старопечатных русских книг. Газеты и журналы, преимущественно французские, со времен Наполеона, карты, рисунки и, наконец, даже переплетенные детские тетради давно уже выросших и успешных закон-

Неизвестный художник первой половины XIX в. Семеновское-Отрада. Вид от церкви на дом, реку Лопасню и парк.

чить свой жизненный путь потомков графа Владимира, — таков приблизительно состав этого обширного книгохранилища, любовно собиравшегося долгие годы.

Кроме книг, тут хранится немало рукописей, среди которых встречаются автографы известных ученых и писателей; здесь же хранится часть семейного архива гр. Орловых с целым рядом интереснейших документов XVIII и XIX вв.

На стенах между шкафами висят старинные гравюры. Среди них много воспоминаний о близких, дружеских отношениях основателя «Отрады» к разным выдающимся людям.

Бывший директор Академии наук посвящал часов по шести в день чтению, а когда его зрение ослабело; ему постоянно кто-нибудь читал из домашних. Его разносторонний и пытливый ум интересовался всевозможными вопросами. Математические и метафизические сочинения появлялись на его столе наряду с трактатом Реомюра о насекомых или Винкельмановской историей художеств.

Не довольствуясь постоянным чтением, граф заставлял для себя переписывать на отдельных бумажках любимые цитаты и тексты из светских и духовных книг. Эти бумажки вместе с толстыми золотыми часами с двумя бриллиантовыми кнопками и табакеркой он постоянно носил при себе и при разговорах часто подкреплял свои мысли, вынимая их из жилетного кармана и цитируя любимые выражения.

Кроме этого исключительного книжного богатства, согласно тогдашней моде, у графа Владимира была довольно обширная коллекция различных табакерок, среди которых одна, пожалованная в день коронации императрицы Екатерины, была особенно ценна для Орловых. На шести сторонах ее изображены миниатюрой эпизоды воцарения императрицы, в котором играли такую видную роль братья Орловы; тут и Петергоф, и Измайловские казармы, и Зимний дворец. Другая, круглая золотая табакерка заключала под отвинчивающейся крышкой, украшенной портретом графини Орловой, супруги графа Григория Григорьевича, портреты пяти братьев Орловых.

За библиотекой следует ряд жилых комнат, ванна, особо устроенный огромный бассейн и спальни. Второй марш лестницы ведет в просторный белый вестибюль верхнего этажа, украшенный фамильными портретами, из которых обращают внимание большой портрет основателя «Отрады», его супруги, фрейлины Елисаветы Ивановны, рожденной Штакельберг, их старшего сына графа

Александра, рано умершего за границей, братьев Алексея и Федора Орловых, стоящих у шатра на фоне битвы, а также некоторых других лиц.

Через большую проходную комнату и первую гостиную можно пройти в обширный графский кабинет, уставленный дубовыми шкафами, где нашла себе уют часть книг, не вмещающаяся в библиотеке. В верхнем же этаже находится и самая большая в доме комната — овальная столовая с пятью окнами, выходящими в сад. Гладкие белые стены украшены портретами, среди которых на первом месте портрет Екатерины II (копия с Боровиковского). В простенках между окнами стоят семь фамильных бюстов и тяжелые, в несколько пудов весом, канделябры для свечей. Лепной потолок расписан Карлом Брюлловым, пользовавшимся особым покровительством графов Орловых, часто у них гостившим и путешествовавшим вместе с ними по Европе.

На двух массивных, доходящих почти до потолка, резных полках размещен старый фарфор, из которого особенно примечателен расписной сервиз — подарок Екатерины II, покровительницы семьи Орловых. В глубине столовой, в особой витрине, хранится знамя, пожалованное Екатериной герою Чесменского боя; рядом, на особом столике, другая семейная реликвия — кусок корабля, на котором поднял свой флаг граф Алексей. Убранство столовой во времена графа Владимира было несколько иное. Взамен фамильных портретов все ее стены, а также соседней бильярдной были увешаны раскрашенными картинками с изображениями птиц, рыб и зверей, вырезанными из натуральной истории Бюффона.

За столовой, где благодаря белым стенам и массе света всегда так нарядно и красиво, идет бильярдная, а за ней гостиная с большим портретом работы Брюллова — графини О. И. Орловой-Давыдовой, рожд. кн. Барятинской, с дочерью Наташей, вышедшей впоследствии за кн. Д. Н. Долгорукова. За ней другая гостиная — с красной мебелью, зеленовато-фисташковыми стенами, поверху которых идет широкий бордюры итальянского ручного шитья. Тут тоже много старых портретов и несколько хороших холстов иностранных мастеров.

Образцы искусства, собиравшиеся в течение многих лет, разбросаны по всему дому, и не только в парадных покоях, но и в полутьме маленьких проходных комнат, то тут, то там можно встретить настоящие шедевры. Так, над дверью одной комнатки, еле заметный в полумраке, висит настоящий Делла Роббиа.

Из будуара графини с великолепной, стильной золоченой мебелью, красиво

Отрада.
Флигель
главного дома.
Построен
крепостным
архитектором
Бабакиным по
проекту
К. И. Бланка.
1775—1779.
Фото 1950-х гг.

выделяющейся на серовато-розовом фоне обивки и портьер, можно выйти на большую террасу, откуда открывается вид на зеленеющие дали отрадинских угодий... По обоим концам главного корпуса расположены большие открытые веранды, устроенные на крышах оранжерей, тесно примыкающих к главному фасаду и слегка выступающих отдельными крыльями. Отсюда открывается чудный вид на искусно разбитые цветники с пышными клумбами, большой фонтан, дающий струю в высоту дома и составляющий предмет особой гордости «Отрады»; за речкой начинается парк с боскетами, прудами и поэтическими развалинами.

В отдельном флигеле помещается физический и геологический или «рудный» кабинет; он напоминает о пребывании графа Владимира в Академии наук и его сношениях с академиком Эйлером, Палласом, Гмелиным и др.

Расположение отрадинского парка носит следы сильного впечатления, произведенного на графа Владимира английским садовым искусством, о котором он писал в своем дневнике, что «в расположении садов англичане стараются подражать природе и скрыть работу, которая необходима и часто много труднее бывает, чем в регулярных (садах). В сих садах все разбросано — инде лесок, кустарник, инде лужок».

На садоводство граф Владимир обращал особое внимание, и для разбивки парка и сада был приглашен иностранец Питерман, а для составления общего плана всей местности в 1787 г. был вызван из Царицына английский садовник-специалист.

Из обильных ключей были проведены ручьи в большие четырехугольные или круглые пруды, из которых особенно живописен лебединый, окруженный высокими деревьями, с островком посередине, где разводились форели, стерляди и сига. По преданию, эти пруды копали пленные турки под наблюдением крестьянина Морозова. Изобилие текучей воды придает особую красоту расположенному по обоим берегам Лопасни парку, оживляя его тенистые рощи...

В своем увлечении садоводством граф Владимир доходил до таких мелочей, что выписывал из Москвы соловьев для оживления отрадинских садов, а для придания большего сходства с английскими парками завел оленей.

Между холмом, где стоит приходская церковь, а рядом маленькая, круглая, в виде ротонды, Успенская церковка, служащая усыпальницей графов Орловых, и внизу лежащим дворцом, лицом к нему, стоит высокий цоколь с бронзовым бюстом Екатерины II и надписью вокруг: «Екатерине Великой, благодетельнице рода Орловых».

Одни из ворот, ведущих к дому, сторожат большие чугунные львы, стоящие на массивных кирпичных столбах; другие, выходящие в парк, украшены «екатерининскими орлами». Сад около дома окружен великолепной чугунной решеткой в версальском духе.

Проводя около полугода в своей «Отраде», отстоящей в 80 верстах от Москвы, граф Владимир заботливо окружал дом всевозможными удобствами и держал много прислуги; все пристройки около главного дома постоянно были полны всякого рода секретарями, конторщиками, музыкантами и артистами, из которых большая часть исполняли также служительские обязанности. Несмотря на совмещение должностей, оркестр был настолько хорош, что некоторые из солистов по смерти графа устроились в оркестрах московских театров.

Обыкновенная музыка играла во время стола, а по субботним вечерам в бильярдной устраивались целые кон-

церты под управлением капельмейстера Гурилева, отца известного композитора.

Кроме музыкантов, между дворовыми людьми находился и свой архитектор, и живописец, был также доморощенный поэт и даже особо приученный астроном-докладчик, которому вменялось в обязанность уведомлять в определенный час старого графа о появлении на небе той или иной звезды или планеты.

В дворне никогда не было только шутов и дурочек, этой необходимой принадлежности вельможных домов той эпохи. Граф Владимир предпочитал им умную беседу или оживленный спор.

Прошло более века, и давно почил вечным сном и просвещенный основатель «Отрады», и его блестящие братья, но благодаря заботам их потомков старая екатерининская усадьба бережно и гордо хранит память о своем первом владельце.

*«Столица и усадьба»,
1917, № 83—88*

Отрада.
Мавзолей-
успальница.
Построен по
проекту
Д. Жильярди в
1832 г.